

ПАМЯТЬ

ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Последним спектаклем, поставленным режиссером-дипломником Коротковым на сцене пермской драмы, оказалась «Машенька» Афиногенова. Уже не было в живых автора пьесы: погиб при бомбежке. И в черную рамку была взята на афишах фамилия молодого постановщика. А спектакль шел. Спектакль жил...

Последнее письмо, написанное с фронта сержантом Иваном Коротковым, еще шло в пути — а человека, отправившего эту открытку, уже не было в живых.

«Второй день идут невиданные бои. Вчера в 14 часов наши орудия и минометы открыли ураганный огонь по переднему краю и укреплениям фашистов, а через час мы захватили самый сильный опорный пункт узла сопротивления — три кургана. Враг терпит большие потери. Взятые пленные. Бой продолжается. Мы продвигаемся вперед...»

Вещи живут дольше человека. Нет, не то — разве эта открытка, написанная фиолетовым карандашом, относится к предметному миру? Могучий дух человека живет и доходит до нас даже когда нет уже его самого, его «земной оболочки».

Подтверждением этому служит жизнь Ивана Короткова, который не колеблясь сменил драматический театр, составлявший все существо его и цель жизни, — на «театр военных действий», говоря языком сводок Совинформбюро.

И. Неужели сейчас я буду говорить с человеком, который знал его еще в юные годы? Ну, конечно, мне должно повезти, ради этого я ехал в Свердловск. Даже не дойдя до дома, где жил, как мне сказали, Николай Николаевич Секачев, первый руководитель театра рабочей молодежи (ТРАМ), свернул к телефону-автомату и, представившись, от волнения без всякого перехода сразу спросил:

— Вы помните Ивана Короткова?

Человек на другом конце провода также сразу, словно мы только что говорили на ту тему, ответил:

— Ну, конечно, помню. Такие люди не проходят бесследно...

...Собственно, до прихода в Свердловский ТРАМ в 1927 году у Вани Короткова уже была сценическая жизнь — участвовал в художественной самодеятельности завода «Металлист», где он трудился. Но ТРАМ это же совсем другое дело!

Тогда и была поставлена первая его пьеса «На-гора!». Н. Н. Секачев вспоминает, что шла она с успехом, потому как написана была о современности (о борьбе за высокую производительность труда и — за человека) — и современным языком таким характерным для Короткова: короткими фразами, динамично.

Дух того времени — эпохи преобразования, строительства социалистической Родины — пьеса выражала очень ярко.

Позднее в одном из писем же с фронта он напишет: «Читай больше Шекспира. Он героичен, как наша эпоха». Дипломной работой Короткова, по окончании

ГИТИСа, была «Комедия ошибок» Шекспира. Шел уже 1941-й...

А за год до этого был спектакль «20 лет спустя» по пьесе М. Светлова (также поставленный в областной драмтеатре). Выбор материала очень показательен для И. Короткова. Объясняя свой замысел, он писал в газете «Звезда»:

«Оружие, за которым отправился в арсенал истории Светлов, — это неуязвимая юность, честность порыва, преданность грядущему. Юноши и девушки бесстрашно шли навстречу опасности, даже искали ее, чтобы приблизить завтра... Такие люди умирали не от чего-то, а за что-то».

Михаил Светлов потом напишет стихи: «Московский военный округ меня на войну призывает...» А сам Иван Коротков? Получив диплом — было это уже 1 июля 41-го года — пошел в Московский военкомат. Тогда ему отказали.

Добровольцем он ушел на фронт уже из Перми, отказавшись от брони — но не отказавшись от цели, поставленной в юности.

Все дело в том, что тогда самый короткий путь к ней лежал через фронт. Правом на занятие любимым делом на сцене нужно было сначала еще отстоять в другом театре — военных действий.

«Скоро, скоро разгромяем всю фашистскую нечисть и снова будет большая работа и большая радость».

Самое удивительное — даже на фронте он не забывал о театре, об искусстве. Я имею в виду не только его страстную мечту о новых спектаклях. Интересно, что он практически готовился к ним. Давая жене задание перечислить заново всего Горького и Пушкина (причем в строгой последовательности томов), он просит ее выписывать все те места, где речь идет об искусстве, и не только о театре. Жажда знаний — поразительная. Шедкость, с которой он делится ими, — тоже. «Ваня был моей школой», — напишет А. Кондаков.

В других весточках он вспоминает: «утро на Каме — как на картинах Нестерова». Природа помогает мне познавать произведения искусства». Литографию с картины Рылова «В голубом просторе» молодой режиссер рассматривал когда-то в мирное время вместе с женой в читальном зале. «Вот вчера я увидел такое небо. Изумительно красиво. И вдобавок в этом голубом просторе за «мессершмидтом» гонялся наш истребитель и сбил его».

Мысль, память этого человека работает на будущее постановки. «Для оформления спектакля, — замечает он, — дорога войны... тоже дает очень многое. Вот разрушенная деревня, изуродованный каменный дом и рядом с ним — два дерева, черные обуглившиеся березы... со скрюченными ветвями...»

В момент своей гибели — такое совпадение! — он сидел, прислонившись к дереву. Осколок вражеской мины попал разведчику прямо в висок...

II.

И снова я отправился на поиск, на этот раз уже в Перми. Теперь задача еще более сложная — найти тех, кто был рядом с Иваном Коротковым в последние часы его жизни. Есть адреса фронтовых товарищей — земляков, замечательных парней: Зумара Зиганшина, Саши Кондакова, с которыми сержант не раз ходил на большие дела. Но адреса, бывало, обманывали.

Старые домины на улице Луначарского. В одном из них могут жить те, кто знал Короткова. Вот, через два-три дома...

Но через два дома встает огромная стена новой многоэтажки. А дома № 55 как раз и не оказалось. Снесли. Снесли, как и дом, куда шли письма самого Короткова. Почти на том самом месте сейчас новое здание драмтеатра...

Встреча с однополчанинами мне представлялась почти невероятной. Но маленькая надежда оставалась и остается. Ведь была же такая «невероятная» встреча на фронте у самого Короткова.

«...У меня радость, я встретил здесь Кренделя и Емельянова. Когда они выступали у нас, я был в разведке, а когда вернулся, и комиссар узнал, что они мои друзья, то в два часа ночи мы оседлали лошадей и помчались их разыскивать. И — нашли. Они выступали в одной разрушенной церкви. И когда я зашел «за кулисы» с автоматом, они сначала молча меня разглядывали, а потом разом: «Ва-а-ня!». Милая и чудесная, скоро слушай по радио мою корреспонденцию «Артисты на фронте». Там и тебе будет письмо».

Вернувшись из поездки на фронт, Матвей Крендель придет передать привет жене Короткова. А Тамара Евгеньевна уже получила похоронку...

Уже нет в живых ни Емельянова, ни Кренделя, который, кстати, играл в одной из первых постановок И. Короткова. Но каждый раз, бывая в драмтеатре, с такой же остротой заново переживаешь вместе с автором радость этой встречи. Письмо это и фото И. Короткова — на стенде «Памяти павших».

Открытка со стенда кончалась сообщением о том, что его приняли в члены ВКП(б).

...Иван Коротков, несмотря на молодость, был зрелым идеологическим бойцом. Это чувствовали окружающие его люди еще по работе в Пермском ТРАМе, действовавшем при заводе имени Дзержинского.

В 1932 году, когда была создана комсомольская газета «Большевистская смена» (ныне — «Молодая гвардия»), на страницах ее не раз выступал художественный руководитель театра рабочей молодежи Коротков. К XV годовщине Октября ТРАМ готовил спектакль «Проба». «Этой постановкой, — пишет И. Коротков, — мы боремся за бойкий, мобилизующий молодежь на построение бесклассового социалистического общества спектакль, стремимся помочь трудящимся в борьбе за преодоление пережитков капитализма в экономике и в сознании людей... В этой борьбе формируется новый человек, герой нашего времени...»

Он сам был этим новым человеком — вот что важно подчеркнуть. Разведчик, новатор на сцене — он оказался в разведке и на фронте.

По признанию самого Короткова, он легче других перенес переход из гражданского качества в военное. Объяснение этому он находит в марксистском понимании свободы как осознанной необходимости. «Я чувствую себя внутренне свободным, потому что я понял: трудные условия — нормальное состояние войны».

«Сейчас нужны твердые жесткие слова, которые бы не расстраивали чувств, а убивали их». И он находит такие слова, когда пишет со своим страстным желанием как можно больше уничтожить проклятых и вшивых фрицев — разрушителей нашей счастливой жизни.

Но тут же — проникновенные слова любви: «Сейчас вот, издали, вспоминая самые хорошие свои отно-

шения к тебе, я чувствую, что ты заслуживаешь лучшего... Я думал, потолок моей любви к тебе остался позади. Оказывается, я ошибался». А в одном из писем он присылает симоновское «Жди меня», написанное по памяти.

И он находит самые доходчивые, мужественные слова, которые убеждают в неизбежности победы.

«О моей первой разведке ты можешь спросить: — Что же, не страшно было?»

Отвечая: — Страшно, только — нужно. Служба это служба, подвиг это долг».

* * *

И снова вспоминается последнее письмо Короткова — я помню его наизусть. Бой, который он описал, был его последним боем. Старший политрук Грабовский, комиссар части, в которой воевал Иван Коротков, был в том бою ранен. Подлежавшись, он написал о гибели «любимца» части.

«Мы потеряли нашего лучшего товарища, лучшего коммуниста, талантливого организатора красноармейского досуга, пламенного агитатора... Выражаю вам заверение всех бойцов моей части, что за смерть нашего товарища мы жестоко отомстим немецким людоедам...»

Жестокая закономерность в таких случаях всегда кажется, что в первую очередь смерть вырывает лучших...

Но я думаю о другом. И в последние часы характер Ивана Короткова определял каждое его действие.

Он все время жил, словно подгоняя жизнь — взахлеб, неуемно, торопясь как можно больше успеть. Вот маленький дневник, который вел студент ГИТИСа Иван Коротков. Характерна первая же запись, где он пишет, что решил с 1 апреля 1941 года начать дневник — начал почему-то 26 марта.

Не выдержал. Жил с опережением. Учился, творил на сцене — так же неистово. И женился тоже в своем ритме. Однажды весной познакомился с девушкой на вечеру. Кажется, никаких «шансов» — у девушки той был жених, а у самого Ивана — билет на поезд в кармане. Но... — уже на пути в Казань он сходит с поезда и возвращается для того, чтобы предложить руку и сердце той, единственной.

И так же как жил — погиб. Один из друзей его написал:

«Шел сильный бой... Нам приказали выступать. Ваня и я в этот раз должны были остаться в расположении (части), но, не говоря никому ни слова, он подошел к комиссару — а с ним они были друзья — и попросил разрешения пойти в бой. Комиссар шел сам и не отказал ему...»

Пытаясь представить его в тот последний момент жизни, когда он привалился к березке после ночи в разведке, после ожесточенного боя, я вспоминаю вот эти строки:

«...Несмотря ни на что, птички поют и деревья шумят как и до войны. О чем! О счастливой жизни, которую мы добыли и которую сейчас отвоевываем. Отвоюем и построим еще более счастливую».

В. ГЛАДЫШЕВ.